

«Анна Каренина»: суицидологический анализ

К.А. Чистопольская¹ ✉, С.Н. Ениколопов²

¹ Московский научно-исследовательский институт психиатрии — филиал ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации; Россия, г. Москва

² ФГБНУ «Научный центр психического здоровья»; Россия, г. Москва

РЕЗЮМЕ

Цель обзора: проанализировать одно из самых популярных произведений Л.Н. Толстого "Анна Каренина" с позиции актуальных суицидологических теорий, начиная с социологической модели Э. Дюркгейма.

Основные положения. В романе представлены четыре описания суицидального поведения героев: контрастные эго-дистонные переживания Левина, суицидальная попытка Вронского, завершённый суицид Карениной и отъезд Вронского на фронт. В статье проводятся параллели между этим поведением и четырьмя типами суицида по Э. Дюркгейму: аномический, эгоистический, фаталистический и альтруистический. Кроме того, в романе описываются радикальные перемены в мировоззрении главных героев после событий, приводящих их к осознанию своей смертной природы, что соответствует теории управления страхом смерти в социально-экспериментальной психологии и работам антрополога Э. Беккера. В статье также рассматривается пресуицид Анны с точки зрения модели нарративного суицидального кризиса И. Галынкера.

Заключение. Таким образом, роман «Анна Каренина» способен помочь специалистам в изучении суицидологических теорий, поскольку еще до их появления Л.Н. Толстой подробно описал феноменологию суицидальных переживаний и механизмы защиты от страха смерти. **Ключевые слова:** самоубийство, Дюркгейм, теория управления страхом смерти, модель нарративного суицидального кризиса, синдром суицидального кризиса.

Вклад авторов: Чистопольская К.А. — анализ материала, подготовка текста рукописи; Ениколопов С.Н. — подготовка текста и утверждение рукописи для печати.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии возможных конфликтов интересов.

Для цитирования: Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. «Анна Каренина»: суицидологический анализ. Доктор.Ру. 2022; 21(8): 82–86. DOI: 10.31550/1727-2378-2022-21-8-82-86

“Anna Karenina”: a Suicidological Study

К.А. Chistopolskaya¹ ✉, S.N. Enikolopov²

¹ Moscow Psychiatric Research Institute, a branch of the V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology (a Federal Government-funded Institution) Russian Federation Ministry of Health; 3 Poteshnaya Str., Moscow, Russian Federation 107076

² Mental Health Research Center (a Federal Government-funded Academic Institution); 34 Kashirskoye Shosse, Moscow, Russian Federation 115230

ABSTRACT

Objective of the Review: to analyze one of the most popular L. Tolstoy's works “Anna Karenina” by showing that it illustrates classic and contemporary theories of suicide, starting from the sociological study of suicide by E. Durkheim.

Key Points. The novel depicts four episodes of suicidal behavior: ego-dystonic thoughts (Levin), suicide attempt (Vronsky), completed suicide (Anna) and volunteer fighters (Vronsky and other men going to war). The article draws parallels with four types of suicide according to E. Durkheim: anomic, egoistic, fatalistic and altruistic. Besides, the paper points out changes in worldviews of the main characters that happen after their mortality was made salient, which corresponds to Terror Management Theory in social psychology and works of cultural anthropologist E. Becker. In the end, we look at Anna's presuicidal state from the point of view of Narrative Crisis Model of Suicide by I. Galynker.

Conclusion. Thus, the novel “Anna Karenina” can help specialists in studying various theories of suicidal behavior, as L. Tolstoy carefully depicted the phenomenology of suicidal feelings and mechanisms of psychological defense from the fears of death, even before suicidology was established as a science.

Keywords: suicide, Durkheim, Terror Management Theory, Narrative Crisis Model of Suicide, Suicide Crisis Syndrome.

Contributions: Chistopolskaya, K.A. — analysis of literary material, preparation of the manuscript; Enikolopov, S.N. — preparation and approval of the manuscript for publication.

Conflict of interest: The authors declare that they do not have any conflict of interests.

For citation: Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N. “Anna Karenina”: a Suicidological Study. Doctor.Ru. 2022; 21(8): 82–86. (in Russian). DOI: 10.31550/1727-2378-2022-21-8-82-86

По мотивам произведения Л.Н. Толстого «Анна Каренина» [1] снято больше фильмов и сериалов, чем по роману «Война и мир», а сюжет рождает бурю эмоций и противоречивых чувств у читателей и зрителей. Поставив во главу повествования историю о самоубийстве, автор пошел на риск, ведь эта тема — наиболее стигматизируемая в обществе, как тогда, так и сейчас [2]: современные

исследования показывают, что суициденты ощущают больше стигмы со стороны общества, чем люди с психическими заболеваниями, но не суицидальные [3]. Литературовед и исследователь творчества Л.Н. Толстого П.В. Басинский пишет, что впервые идея романа возникла у Л.Н. Толстого в начале 1870 года: «24 февраля Софья Андреевна записывает в дневнике: “Вчера вечером он мне сказал, что ему

✉ Чистопольская Ксения Анатольевна / Chistopolskaya, K.A. — E-mail: chistopolskaya.k@serbsky.ru

представился тип женщины замужней, из высшего общества, но потерявшей себя. Он говорил, что задача его сделать эту женщину только жалкой и не виноватой, и что как только ему представился этот тип, как все лица и мужские типы, представлявшиеся прежде, нашли себе место и сгруппировались вокруг этой женщины”» [4, с. 42–43]. Таким образом, уже в самом начале, в одном лишь «предчувствии романа» писатель поставил перед собой задачу: рассмотреть феномен стигматизируемый, осуждаемый, с позиции сочувствия и воздержания от осуждения.

Анализируя дневники, воспоминания, черновики романа, П.В. Басинский пишет, что тема самоубийства и самоубийц не раз возникала в поле зрения Л.Н. Толстого. Во-первых, прообразом главного персонажа считают экономку соседа писателя, Анну Пирогову, которая бросилась под поезд. С нее была списана сцена, когда Вронский смотрит на Анну, распростертую на анатомическом столе: Л.Н. Толстой присутствовал при опознании. Кроме того, сестра Л.Н. Толстого Мария Николаевна признавалась ему в письме, еще не зная, чем закончится роман: «Мысль о самоубийстве начала меня преследовать, да, положительно преследовать так неотступно, что это сделалось вроде болезни или помешательства...» [4, с. 89]. Ее жизнь отчасти напоминала историю Анны: уйдя от мужа, она встретила за границей мужчину, от которого родила дочь, и была осуждаема за это обществом, тяжело переживала свое двусмысленное положение.

Сам писатель переживал контрастные, эго-дистонные суицидальные мысли, такие же, как у Константина Левина: «Левин был несколько раз так близок к самоубийству, что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нем, и боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться» [1, с. 753]. П.В. Басинский пишет: «Это в точности совпадает с тем, что происходило с самим Толстым в конце 70-х годов, когда он писал восьмую часть романа. Он тоже прятал от себя шнурки, чтобы не повеситься, и ходил на охоту с незаряженным ружьем, чтобы не застрелиться» [4, с. 41].

Представления Л.Н. Толстого о непротивлении злу насильем, позже сформулированные в его публицистических статьях [5], начали формироваться у писателя в конце 1870-х — начале 1880-х годов, в период его так называемого «духовного переворота». Возможно, поэтому он описывает добровольцев и Вронского в финале романа, по сути, как самоубийц, надеющихся повысить свой социальный статус одобряемым в обществе поведением. Невольно вспоминается и приветствие гладиаторов: «Ave, Caesar, morituri te salutant» («Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя»).

Но если анализировать произведение с самого начала, обращает на себя внимание, что Л.Н. Толстой разворачивает повествование постепенно, в первом томе — даже медленно, переходя от героя к герою, рассказывая историю с позиции каждого непосредственного участника событий, описывает их детство и молодость. Он даже знакомит нас с теми, кто, казалось бы, связан с героиней лишь весьма отдаленно и чья жизнь мало касается ведущих персонажей.

Во-первых, перед нами предстает общество широкое, раскинувшееся на два больших города, живущее весело и странно вмещающее в себя противоречия: кто-то устроился на две семьи, кто-то (как Стива) постоянно заводит интрижки, у кого-то любовники и поклонники, но все это не всерьез, в шутку, а потому и не представляет угрозы для более глубокого уклада. И при всех этих «грешках» (или возвышенных порывах, или просто правильном, уместном и одобря-

мом поведении) человек оказывается полностью пронцаем для этого общества: все про всех знают, а о чем не знают, о том догадываются.

Мы знакомимся с Левиным, постоянно краснеющим и неловким, резким и подверженным едкому, остроуму чувству стыда, которое провоцирует его на необдуманные, порой даже алогичные поступки, но именно этот постоянный взгляд Левина на себя глазами других вызывает его знаменитое объяснение с Кити, когда он пишет первые буквы слов и девушка его понимает. Многих читателей удивляет и даже злит эта сцена: длинные фразы, зашифрованные по первой букве, разве можно их понять? Но, во-первых, эта сцена имеет прототип в реальной жизни писателя, а во-вторых, есть подозрение, что в то время и в том обществе понять эти фразы было гораздо легче, чем нам сейчас, и не только влюбленной девушке, которая думает и беспокоится примерно о том же, о чем и ее поклонник, но и большинству гостей Облонских, присутствовавших там. Эти буквы, призванные скрыть личное, по сути, делают его лишь более очевидным. Левин знакомится и с иной, более приятно ощущающейся стороной чрезмерной видимости себя, перед свадьбой: все вокруг знают, что ему делать, и благосклонно встречают его, а он, почти не сознавая происходящего и согласный на все, лишь подчиняется заведенным правилам и ритуалам. Настроение при этом у него почти маниакально приподнятое.

Чувство стыда испытывает Стива за обнаружение интрижки — с этого начинается роман; стыд переживает Каренин, начиная с момента, когда публика салона замечает чрезмерную вовлеченность его жены в разговор с Вронским. Карениной стыдно ощущать ухаживания человека, который вроде бы должен был вот-вот объясниться с ее родственницей. Вронский находит свое положение трудным и неловким на протяжении всего романа. Герои вообще редко остаются одни, автор часто описывает их глазами других людей, и им словно нужно присутствие посторонних, чтобы определить себя и свое положение в обществе посредством зрителя: это замечает и не раз подчеркивает литературовед П.В. Басинский [4].

Антрополог Э. Беккер в книге «Революция в психиатрии» [6] описывал чувство стыда через метафору спектра, на одной стороне которого расположена сфера публичного, а на другой — сфера личного. Чувство стыда, по его мнению, возникает, когда публичное начинает проникать в сферу личного, раскрывая его, трактуя по-своему и показывая, что личного не существует вовсе, что человек весь виден, словно на ладони. И это один из конфликтов романа: устанавливаемое обществом отсутствие у людей личных мотивов. Можно сделать из своей любви насмешку, уместить ее в рамках приемлемого, описать так, чтобы это было понятно окружающим, и это будет принято обществом. Конфликт возникает, когда главная героиня не соглашается с такими правилами, однако ситуация продолжает играть ею против ее воли.

Но есть и другой важный смысловой пласт в этом романе, который пересекается с темой общественного контроля и личного стыда. Это отношение к смерти. Смерть разрывает привычную ткань социальной жизни. Это физическая неизбежность, показывающая хрупкость человеческого существования. События, связанные с ней, несколько раз кардинально меняют взгляды героев. Каренина не хотела менять своего положения до скачек, но после падения Вронского с лошади признается мужу в своем чувстве в самых резких выражениях. Каренин желал развода и даже смерти жены, но, увидав ее при смерти, прощает ей на время все. Самой Анне при смерти вдруг начинает казаться, что она любит

и всегда любила мужа, а связь с Вронским была ошибкой. В конце романа мы узнаем, что смерть брата приводит Левина к ощущению бессмысленности жизни и даже к серьезным мыслям о самоубийстве. Тяжелые роды Кити тоже провоцируют изменение мировоззрения Левина: он внезапно начинает молиться, а на ребенка смотрит почти с ненавистью.

Что это? Эти изменения мировоззрения хорошо объясняет теория управления страхом смерти [7, 8]. Почти теми же словами, что Левин описывает свои ощущения после наблюдения за смертью брата: «В бесконечном времени, в бесконечности материи, в бесконечном пространстве выделяется пузырек-организм, и пузырек этот подержится и лопнет, и пузырек этот — я» [1, с. 753], — авторы теории описывают чувства и мысли человека после столкновения со смертью: «люди были бы охвачены ужасом, если бы их постоянно преследовало осознание своей уязвимости и смертности — дергающиеся пузырьки биологической протоплазмы, пронизанные тревогой, неспособные эффективно отвечать на запросы непосредственной среды» [9, с. 12]. Исследователи утверждают (и это эмпирически проверено в многочисленных экспериментах), что человек перед лицом смерти прибегает к бессознательным психологическим защитам: он ищет их в своей картине мира, или в самооценке, или в отношениях привязанности. В романе происходит именно это: Анна первый раз выбирает любовь, второй раз — мужа, семейные ценности, Левин колеблется между неверием и богом, которого раньше отрицал. Это ощущается парадоксально для самих людей, но именно так работает внезапное напоминание о смерти.

Интересно, что самой подготовленной оказывается маленькая Кити. Брошенная в пучину стыда (опять-таки!) после разрыва с Вронским, вырванная из ткани социальной жизни, она исцеляется близостью к смерти, пониманием чужих страданий, осознанием, как она может облегчить последние дни умирающих. И это помогает ей затем помочь Николаю, брату Левина, помогает выдержать тяжелые роды.

Такое постепенное разворачивание повествования с медленным погружением в социальную и внутреннюю жизнь героев, описание их отношения к смерти, механизмов работы психологических защит от напоминаний о смерти, а также переживания стыда подводят к центральной теме произведения — самоубийству. Четыре типа суицидального поведения в романе (Каренина, Левин, а также Вронский в середине и в конце романа) удивительным образом перекликаются с социологической теорией Э. Дюркгейма, который опубликовал свой труд «Самоубийство: социологический этюд» в 1897 году [10]. Роман «Анна Каренина» вышел в 1878 году (в книге), был переведен на французский в 1885 году, то есть потенциально основатель социологии мог его читать и вдохновиться им. В свою очередь, описание четырех типов суицида по Э. Дюркгейму вобрала в себя современная теория суицидального напряжения Ц. Чжана [11], и ее тоже можно применить к поступкам героев «Анны Карениной».

Добровольцы и Вронский в конце романа совершают *альтруистический суицид*: они жертвуют собой ради «братьев-славян», и все общество приветствует их героический порыв. Это пример *избыточной социальной интеграции* по Э. Дюркгейму и создания героического по Э. Беккеру [12]. Когда Катавасов решает пообщаться с добровольцами, мы узнаем, что на фронт идут люди, не нашедшие для себя устойчивой роли, которым нечего терять, и посредством этого поступка они пытаются испытать судьбу и повысить свой статус: вернуться героями или погибнуть. Все вокруг стыдятся это признать и тщательно стараются говорить о них

с одобрением. Вронский, мучимый зубной болью (физической болью) и воспоминаниями об Анне (душевной болью), едет на войну, потому что не может найти себе иного занятия и успокоения. Ц. Чжан описывает альтруистический суицид как поступок вследствие *напряжения лишений*. Он пишет: «Социальная интеграция и социальное взаимодействие повышают обмен информацией, и большее знание о другом человеке может привести к сравнению с собой и чувству относительного лишения» [11, с. 90] — человек жертвует собой, осознавая неравенство и несправедливость своего положения, сравнивая свою референтную группу (свое общество) с группой соперника (противника).

Константин Левин размышляет о суициде и переживает «откровение», пиковое переживание по А. Маслоу [13]: он внезапно осознает свои ценности (жить для людей и для бога, по правде), и это приводит его в состояние внутреннего равновесия. Он понимает, что не весь он открыт обществу (как в начале книги), что у него есть личный мотив, нечто священное, что знает только он и не может никому больше объяснить, но именно это примиряет его с окружающими. Он понимает, что будет как прежде «сердиться на Ивана-кучера... спорить... нехотать высказывать свои мысли...» [1, с. 778] — он будет так же неловок в социальном плане, но это перестает его занимать, чувство стыда перестает иметь столь сильную власть над ним: он рождается как самостоятельная личность. Суицидальные переживания, предшествующие «откровению», соответствуют *аномическому суициду* по Э. Дюркгейму — ощущению отчужденности от общества, *недостаточной социальной регуляции*. Рождение личного мотива, который невозможно высказать, которым нельзя поделиться, но который парадоксально направлен на наведение мостов с другими людьми, на высшее благо, закрывает этот зазор, заново и неконфликтно вписывает Левина в общество, и тот уже не чувствует себя чрезмерно регулируемым им (стыд) или же, наоборот, не имеющим с окружающими никакой связи (одиночество, непонятность, суицидальность). Ц. Чжан сопоставляет аномический суицид с *напряжением стремлений*: он замечает, что люди в богатых странах более подвержены суицидальному поведению, так как ждут «большего от жизни, и, соответственно, они оказываются склонны к большему разочарованию, когда их ожидания не воплощаются в жизнь» [11, с. 90] — такая трактовка тоже возможна в рамках романа.

Суицид Анны, конечно же, *фаталистический* по Э. Дюркгейму: это пример *чрезмерной регуляции* общества индивидом. Формально она еще перебирает какие-то возможности: уехать за границу или в деревню, но понимает, что общество, в котором она выросла, уже не примет ее. Автор много раз указывает, что ее положение становится невыносимо и близкие общаются с ней, скорее, вопреки общественным настроениям, удивленно отмечая всякий раз, что она «красива», «умна», как будто это для них какое-то чудо, будто она со сменой своего статуса должна стать уродливой и глупой. Когда начинается ее суицидальная траектория? Со встречи с Вронским в Москве, когда он увидел ее и решил преследовать, словно дичь. Их отношения сложны, но в них есть динамика ловца и жертвы, и они постепенно меняются этими ролями. Если сначала Вронский ходит за Анной, как тень, выпрашивая любовь, то после Анна постепенно начинает требовать этой любви, и оба они задыхаются в этих отношениях, ищут выход. Но если для Вронского общество открыто и он может уйти, а потом вернуться и быть с ней ласковым, если она не окажется подвержена ревности и это позволит, то Анне некуда деваться от своих мыслей и чувств.

Л.Н. Толстой описывает эту пару с симпатией: это умные и тонко чувствующие люди, им есть чем заняться и за границей (они путешествуют, Вронский начинает писать картины, пусть дилетантски и понимая это, но все же), и в деревне (Вронский строит больницу, Анна ему помогает, много читая и советуя), и в городе (Анна пишет книгу для детей). Вронский вспоминает на вокзале перед отъездом на войну, как прекрасна и свободна она была до начала их отношений, как «дарилась любовь» и какой страшной и мстительной выглядела на опознании. Действительно, ее поступок — отчасти месть, последний бросок отчаявшегося загнанного существа, но мы, конечно же, понимаем, что виноват и «ландшафт» этой «охоты». Анна то выбирает тактику отрицания, не желая общаться с Карениным о разводе, то бравирует своим положением: «Какая же тут неопределенность положения? Напротив» [1, с. 715]. Ц. Чжан понимает фаталистический суицид как следствие *напряжения ценностей* [11]: преобладающие в обществе ценности вступают в конфликт с ценностями личности, и именно это мы наблюдаем в романе.

Суицидальная попытка Вронского — пример *эгоистического* суицида по Э. Дюркгейму — *низкий уровень социальной интеграции*. После родов Анны и ее изменившегося состояния Вронский ощущает себя неуместным в отношениях и не желает преследовать иные цели: карьера, военная служба кажутся ему бессмысленными. Пути перед ним открыты, но он отвергает их. Это импульсивный поступок, о котором он жалеет и который не хочет после вспоминать. Ц. Чжан понимает эгоистический суицид как следствие *напряжения совладания*, как индивидуальный стрессовый ответ [11].

Если вернуться к осмыслению поведения героев после напоминаний о смерти, то можно заметить, что действия Анны и Вронского, их связь, меняют и жизнь Алексея Каренина. Каренин находит себя в отношениях с графиней Лидией Ивановной, экзальтированным персонажем, утешившись ее странной трактовкой религии. Не выдержав такого удара по самооценке, как позор обманутого мужа, он позволяет шарлатану Ландау решать за него (и в его пользу). Это полный отказ от ответственных решений в трудной ситуации. Такой тип религиозности — поверхностный, с поиском социальной поддержки — является одной из мировоззренческих защит в теории управления страхом смерти [14].

Как уже было замечено, суицидальная траектория Анны начинается очень рано, и благодаря подробному описанию ее ситуации мы можем выделить *суицидальный нарратив* героини — в соответствии с моделью нарративного суицидального кризиса И. Галынкера [15, 16]. Концепция суицидального нарратива вобрала в себя основные понятия из предшествующих ей суицидологических теорий: переживание унижения, поражения и западни из мотивационно-волевой модели суицидального поведения [17, 18], нарушенную принадлежность и ощущение себя обузой для близких из межличностной теории суицида [17, 19], неспособность отказать от своей цели и переключиться на недоступные цели из теории саморегуляции в неподконтрольных жизненных ситуациях [20, 21].

В рамках этой же модели описывается и острый пресуицид Анны, или *синдром суицидального кризиса* [15, 22]: *ощущение западни; потеря когнитивного контроля* (руминации,

руминативное затопление, неспособность вытеснения, размышлений о чем-то, помимо своей проблемной ситуации); *аффективные нарушения* (острая душевная боль, резкие всплески негативных эмоций — вспомним острое чувство отвращения, с которым Анна смотрела в окно на прохожих и вывески, на соседей по купе); *перевозбуждение* (нарушения сна — неспособность засыпать без морфина, затем опия, затем даже с лекарством; агитация, беспокойство, вынуждающие ее действовать почти хаотически, когда она едет к Долли, затем в поместье матери Вронского, затем без цели бредет по перрону; раздражительность); наконец, *социальное отчуждение*: Анна не только чувствует себя отвергнутой, но и отталкивает людей, относящихся к ней с симпатией, стремится уколоть их больше. И главная характеристика синдрома суицидального кризиса по И. Галынкеру: суицидальные мысли могут не восприниматься самим человеком всерьез вплоть до непосредственной попытки, даже высоколетальной. Так, весь хаотичный день Анны приводит ее на перрон, к которому подъезжает товарный поезд, и вдруг все для нее становится на свои места: «И вдруг, вспомнив о раздавленном человеке в день ее первой встречи с Вронским, она поняла, что ей надо делать... Чувство, подобное тому, которое она испытывала, когда, купаясь, готовилась войти в воду, охватило ее, и она перекрестилась... и вдруг мрак, покрывавший для нее все, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновение со всеми ее светлыми прошедшими радостями» [1, с. 733–734]. В отрывке описывается и внезапность решения, и его кажущаяся человеку «целительность»: при психологической аутопсии часто описываются умиротворенность и спокойствие суицидентов перед смертью, которую замечают их близкие. Это вызвано окрепшей решимостью прервать жизнь, но окружающие ошибочно принимают ее за улучшение состояния [23].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Л.Н. Толстой рисует для нас образ современного ему общества, исследуя занимавшую его тему отношения людей к смерти. Его описание общества как хвалили, так и критиковали, например, как чрезмерно плоское и пустое [4]. Но эта пронцаемость персонажей и открытость взглядам окружающих, на которую автор делает упор и которую противопоставляет откровению Левина, крайне важна, чтобы показать отсутствие осознания героями своих защит от страха, вызванного столкновениями со смертью. Все они движутся по траекториям, задаваемым извне, пока не достигают примирения со своей смертной природой, и только тогда им удается взять собственную судьбу в свои руки. Но этого достигают из главных героев Левин и Кити, возможно, и Долли. Каренин убаюкивает себя лестью графини Лидии и религией, Вронский и Анна, не в состоянии преодолеть закономерностей соединившей их ситуации, после отчаянного сопотивления движутся к смерти.

Благодаря рассмотрению Л.Н. Толстым экзистенциального вопроса — отношения к смерти — роман остается актуальным по сей день, более того, оказывается уникальным феноменологическим исследованием темы самоубийства, произведенным до возникновения первой теории суицидального поведения и до развития суицидологии как науки.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.; 1981. 799 с. [Tolstoy L.N. Anna Karenina. Moscow; 1981. 799 p. (In Russian)]
2. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. О связи стигмы психической болезни и суицидального поведения // Российский психиатрический журнал, 2018; (2): 10–18. [Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N. On the interrelation of mental health stigma and suicidal behavior. Russian Journal of Psychiatry. 2018; (2): 10–18. (In Russian)]
3. Руженкова В.В. Стигматизация суицидентов (клинико-социальный и реабилитационно-профилактический аспекты): дис. ... канд. мед. наук. Белгород; 2016. 221 с. [Ruzhenkova V.V. Stigmatization of suicidal people (clinical-social and rehabilitative-prophylactic aspects): PhD thesis in Medicine. Belgorod; 2016. 221 p. (In Russian)]
4. Басинский П. Подлинная история Анны Карениной. М.; 2022. 379 с. [Basinsky P. A genuine story of Anna Karenina. Moscow; 2022. 379 p. (In Russian)]
5. Толстой Л.Н. Не могу молчать: статьи о войне, насилии, любви, безверии и непотивлении злу. М.; 2022. 332 с. [Tolstoy L.N. I cannot be silent: articles about war, violence, love, lack of faith and non-resistance to evil. Moscow; 2022. 332 p. (In Russian)]
6. Becker E. The revolution in psychiatry: the new understanding of man. N.Y.; 1964. 276 p.
7. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. The causes and consequences of a need for self-esteem: a terror management theory. In: Baumeister R.F. (ed.) Public self and private self. N.Y.; 1986. P. 189–212.
8. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. Теория управления страхом смерти: основы, критика и развитие. Вопросы психологии. 2014; (2): 125–142. [Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N. The theory of controlling the fear of death: foundations, criticism, development. Voprosy Psikhologii. 2014; (2): 125–142. (In Russian)]
9. Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T. Tales from the crypt: on the role of death in life. Zygon. 1998; 33(1): 9–43. DOI: 10.1111/0591-2385.1241998124
10. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.; 1994. 400 с. [Durkheim E. Suicide: a sociological study. Moscow; 1994. 400 p. (In Russian)]
11. Zhang J. Теория суицидального напряжения: Сообщение II. Суицидология. 2020; 11(3): 84–100. [Zhang J. The strain theory of suicide. Message II. Suicidology. 2020; 11(3): 84–100. (In Russian)]. DOI: 10.32878/suiciderus.20-11-03(40)-84-100
12. Becker E. The denial of death. N.Y.; 1973. 315 p.
13. Маслоу А. На подступах к психологии бытия. Киев; 2003. [Maslow A. Toward a psychology of being. Kiev; 2003. (In Russian)]
14. Dechesne M., Pyszczynski T., Arndt J. et al. Literal and symbolic immortality: The effect of evidence of literal immortality on self-esteem striving in response to mortality salience. Journal of Personality and Social Psychology. 2003; 84(4): 722–737. DOI: 10.1037/0022-3514.84.4.722
15. Galynker I. The suicidal crisis: clinical guide to the assessment of imminent suicidal risk. Oxford; 2017. 328 p.
16. Чистопольская К.А., Rogers M.L., Cao E. и др. Адаптация «Опросника суицидального нарратива» на российской выборке. Суицидология. 2020; 11(4): 76–90. [Chistopolskaya K.A., Rogers M.L., Cao E. et al. Adaptation of the suicidal narrative inventory in a Russian sample. Suicidology. 2020; 11(4): 76–90. (In Russian)]. DOI: 10.32878/suiciderus.20-11-04(41)-76-90
17. Сыроковашина К.В. Современные психологические модели суицидального поведения в подростковом возрасте. Консультативная психология и психотерапия. 2017; 25(3): 60–75. [Syrovkashina K.V. Modern psychological models of suicidal behavior. Counseling Psychology and Psychotherapy. 2017; 25(3): 60–75. (In Russian)]. DOI: 10.17759/cpp.2017250304
18. O'Connor R.C., Kirtley O.J. The integrated motivational-volitional model of suicidal behavior. Philosophical Transactions of the Royal Society B. 2018; 373(1754): 20170268. DOI: 10.1098/rstb.2017.0268
19. Joiner T. Why people die by suicide. Cambridge; 2005. 288 p.
20. Wrosch C., Scheier M.F. Personality and quality of life: The importance of optimism and goal adjustment. Quality of Life Research. 2003; 12: 59–72. DOI: 10.1023/A:1023529606137
21. Рассказова Е.И. Апробация русскоязычной версии шкалы отказа и смены цели. Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2018; (2): 100–117. [Rasskazova E.I. Validation of the Russian version of the goal disengagement and goal re-engagement scale. Moscow University Psychology Bulletin. 2018; (2): 100–117. (In Russian)]. DOI: 10.11621/vsp.2018.02.100
22. Чистопольская К.А., Rogers M.L., Ениколопов С.Н. и др. Адаптация «Опросника суицидального кризиса» (SCI-2) на российской интернет-выборке во время эпидемии COVID-19. Суицидология. 2022; 13(1): 88–104. [Chistopolskaya K.A., Rogers M.L., Enikolopov S.N. et al. Adaptation of the Suicide Crisis Inventory (SCI-2) in a Russian internet sample during the COVID-19 epidemic. Suicidology. 2022; 13(1): 88–104 (In Russian)]. DOI: 10.32878/suiciderus.22-13-01(46)-88-104
23. Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М.; 2001. 315 с. [Shneidman E. The suicidal mind. Moscow; 2001. 315 p. (In Russian)]

Поступила / Received: 06.10.2022

Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Об авторах / About the authors

Чистопольская Ксения Анатольевна / Chistopolskaya, K.A. — младший научный сотрудник отделения суицидологии МНИИП — филиала ФГБУ «НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России. 107076, Россия, г. Москва, ул. Потешная, д. 3. eLIBRARY.RU SPIN: 3641-3550. <https://orcid.org/0000-0003-2552-5009>. E-mail: chistopolskaya.k@serbsky.ru

Ениколопов Сергей Николаевич / Enikolopov, S.N. — к. психол. н., доцент, руководитель отдела клинической психологии ФГБНУ НЦПЗ. 115230, Россия, г. Москва, Каширское ш., д. 34. eLIBRARY.RU SPIN: 6911-9855. <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>. E-mail: enikolopov@mail.ru